

Эмилия Харт

Тени Безмолвного дома

Эмилия Харт

Тени Безмолвного дома

«Автор»

2026

Харт Э.

Тени Безмолвного дома / Э. Харт — «Автор», 2026

Бывший детектив Скотланд-Ярда Артур Уэйн, отчаялся и потерял всякий интерес к жизни, как вдруг ему приносят письмо от старого друга, коллекционера древностей. Тот умоляет детектива приехать в его загородный особняк, ведь произошло немыслимое: из запертой библиотеки исчезла только что привезенная из Египта мумия древнего жреца. Артур соглашается, видя в этом лишь причуду богатого друга. Но едва он переступает порог Безмолвного дома, как исчезновение мумии становится лишь первым звеном в цепи кошмаров. В мрачном особняке начинают происходить странные вещи, а по мере расследования обитатели дома погибают по одному.

© Харт Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приглашение из прошлого	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эмилия Харт

Тени Безмолвного дома

Глава 1. Приглашение из прошлого

Туман того дня был отравой. Не просто погодным явлением, а физическим воплощением отчаяния. Артур Уэйн сидел в своем кресле у потухшего камина и наблюдал, как желтоватая мгла за окном пожирала контуры соседних домов, стирая границы между мирами. В комнате пахло старыми книгами, пылью и сладковатой горечью абсента, капля которого серебрилась на дне бокала. Звуки Лондона – грохот экипажей, крики разносчиков – доносились приглушенно, словно из-под толстого одеяла.

Еще один день, – думал Артур, и эта мысль была лишена сожаления. Это была констатация факта, такого же неопровержимого, как гравитация. Тени на стенах его кабинета были длиннее, чем когда-либо. Они напоминали ему о других тенях – тех, что мелькали на переулках Уайтчепела два года назад и которые он так и не смог поймать.

Газеты тогда были милосердны недолго. «Детектив-философ», «Мыслитель из Скотланд-Ярда» – все эти лестные прозвища сменились на одно: «Тот, кто упустил убийцу-фантома». Но он не упустил. Никто так и не смог его поймать. Тем не менее, общественности нужна была жертва, и карьера Артура подходила для этой цели идеально.

Стук в дверь прозвучал так резко и неожиданно, что Артур вздрогнул, и бокал едва не выскользнул из его пальцев. Это был не робкий стук сборщика арендной платы и не настойчивый – репортера. То был твердый, отмеренный удар, полный уверенности и силы. Удары человека, который знал, что его ждут.

– Войдите, – хрипло произнес Артур, не вставая.

Дверь открылась, и в комнату вошел незнакомец в безупречном черном пальто и цилиндре. Его лицо было непроницаемым, как маска.

– Мистер Уэйн? – спросил он, и его голос звучал как скрип качественного пергамента.

– Если вы пришли по делу, то я больше не практикую. Если за долгами – дверь там же.

– Я пришел от имени сэра Генри Монтегю.

Имя прозвучало в душевной комнате, словно удар колокола. Генри Монтегю. Его бывший наставник, человек, открывший ему двери в мир логики и дедукции, когда Артур был еще голодным, полным идеализма клерком. Человек, которого он стыдился видеть больше всех на свете.

Незнакомец протянул конверт из плотной, кремовой бумаги. Сургучная печать была знакомой: сова, держащая ключ. Герб Монтегю.

– Сэр Генри просил передать, что это не мольба о помощи, – сказал посыльный, и в его тоне прозвучала едва уловимая, но выверенная до миллиметра жалость. – Это предложение. Возможность для человека, который помнит, как пользоваться своим умом.

Посыльный поклонился и вышел, оставив Артура наедине с конвертом, который, казалось, обжигал его руки. Он долго смотрел на печать, потом резко сломал ее.

Письмо было написано тем же размашистым, уверенным почерком.

«Дорогой Артур,

Прошлое – плохой попутчик. Оно тяжело и бессмысленно, как пустой саркофаг. Говорю тебе это как человек, который недавно приобрел один такой, и он преподнес мне весьма... наглядный урок. В моем доме происходит нечто, что бросает вызов моему разуму и, признаюсь, нервам. Я мог бы обратиться в полицию, но мне нужен не просто сыщик. Мне нужен ум, который видит то, что другие предпочитают не замечать. Тот ум, который я когда-то в тебе встречивал.

Здесь, в Безмолвном Доме, произошло невозможное. И я боюсь, это лишь начало. Приезжай. Посмотри на эту загадку. Если разгадаешь ее, ты спасешь больше, чем репутацию старика. Ты, возможно, вернешь себе себя.

Твой старый друг,

Генри Монтегю.

P.S. Не пей весь мой хороший коньяк до моего приезда. Я оставил ящик в твоём старом кабинете в Скотланд-Ярде. Ключ прилагается».

Артур опустил письмо. Рука дрожала, но теперь не от слабости, а от прилива адреналина, забытого, как вкус чистого воздуха. «*Пустой саркофаг*». Что это за метафора? Или не метафора? Сэр Генри всегда любил театральность.

Он подошел к окну. Туман начал рассеиваться, и в его разрывах проглядывали контуры мира. Старое, знакомое чувство – щемящее, неудержимое любопытство – шевельнулось в его груди, как проснувшийся после долгой спячки зверь. Он думал о холодных коридорах Безмолвного Дома, который посещал лишь раз, будучи молодым. Дома, который, по слухам, хранил больше секретов, чем книг в своей знаменитой библиотеке.

Возможность вернуть себя. Слова эхом отдавались в его опустошенной душе.

Он повернулся от окна, и взгляд его упал на потухший камин, затем на пустой бокал. А потом – на ключ, выпавший из конверта. Простой, стальной ключ от его бывшего кабинета.

Артур медленно надел сюртук, чувствуя, как грубая шерсть непривычно тяжело легла на его плечи. Он взял трость, хотя не хромал. Она была ему нужна как якорь в этом внезапно закачавшемся мире.

Хорошо, Генри, – подумал он, выходя на улицу, где туман теперь был лишь дымкой, сквозь которую пробивался слабый луч солнца. *Давай посмотрим на твоё невозможное.*

Он шел по направлению к Скотланд-Ярду, и с каждым шагом тяжесть в нем как будто уменьшалась, сменяясь тревожной, но живой легкостью предвкушения. Загадка ждала. А он, как ни старался забыть, был рожден, чтобы их разгадывать.

Он еще не знал, что первая часть загадки – ящик с коньяком – хранит не только напиток. На дне, под бархатной подкладкой, лежал крошечный, высушенный цветок белены, аккуратно перевязанный черной лентой. А также записка без подписи, нацарапанная нервным почерком:

«Он не тот, кем кажется. Не приезжайте».

Глава 2. Ящик с призраками

Противный осенний ветер рвал потертые полы его плаща, словно пытаясь отговорить, развернуть обратно, в убогое, но безопасное уединение. Скотланд-Ярд высился перед ним мрачным кирпичным утесом, символом былой власти и нынешнего поражения. Сердце Артура глухо стучало, отдаваясь в висках знакомой, но забытой болью – болью отверженного, возвращающегося на порог храма.

Он обошел главный вход, свернув в узкий переулок, где был черный ход, известный в основном курьерам и тем, кто предпочитал не афишировать свои визиты. Дверь скрипнула на тех же не смазанных за год петлях. Запах – дезинфекция, старое дерево, чернила, пот – ударил в ноздри, вызвав целый рой воспоминаний. Вот здесь он, молодой и ярый, спорил с инспектором Грином. Вот на этих ступенях получил похлопывание по плечу от комиссара после удачного раскрытия дела о поддельных акциях.

Теперь на него смотрели искоса. Молодой констебль, чистивший ботинки в углу, замер, узнав его, и в его глазах мелькнуло то самое знакомое выражение – смесь любопытства и брезг-

ливого сожаления. Артур прошел, глядя прямо перед собой, с высоко поднятой головой, которую ему стоило огромных усилий не опустить.

Его старый кабинет был на третьем этаже, в самом конце коридора – крошечная клетушка с окном во внутренний двор. Ключ, присланный Генри, вошел в замок с тихим щелчком, который в тишине заброшенного коридора прозвучал пушечным выстрелом.

Комната была почти пуста. Пахло пылью и сыростью. Письменный стол, застеленный желтой газетной бумагой, два пустых книжных шкафа, сломанная вешалка в углу. И на столе – тот самый ящик. Дубовый, лакированный, с инкрустированной на крышке той же совой с ключом. Рядом стояла недопитая бутылка дешевого виски и пепельница – видимо, здесь иногда скрывался кто-то из младшего персонала, чтобы перекурить.

Артур провел рукой по гладкому дереву. *«Не пей весь мой хороший коньяк»*. Легкая улыбка тронула его губы. Старый шутник. Он отщелкнул медные застёжки и поднял крышку.

Внутри, аккуратно уложенные в бархатные гнезда, покоились шесть темных бутылок старого арманьяка. Не коньяк, а нечто более изысканное и редкое. Настоящее сокровище. Генри, как всегда, был точен в жестах. Это был не просто подарок. Это был говорящий жест: «Я помню твой вкус. Я ценю тебя».

Артур взял одну из бутылок и ощутил приятную тяжесть в руке. Но тут его взгляд упал на бархатную подкладку. В углу, у края, была едва заметная неровность, маленький бугорок. Не заводской дефект – слишком аккуратный. Он поставил бутылку на стол и осторожно поддел край подкладки ногтем. Ткань отошла легко, будто ее недавно подклеивали заново.

Под ней лежали две вещи.

Первая – засушенный цветок, коричневатый, хрупкий, с мелкими колокольчиками бутон. Белена. Ядовитое, дурманящее растение, сорняк на задворках и кладбищах. Он был аккуратно перевязан черным шелковым бантом, словно мрачный букет для невесты.

Вторая – клочок бумаги, вырванный, судя по рваному краю, из какой-то записной книжки. Надпись была нацарапана острым, нервным почерком, а чернила легли неровно и с кляксами:

«Он не тот, кем кажется. Не приезжайте.»

Ни подписи, ни даты. Только эта лаконичная, леденящая душу фраза.

Артур медленно опустился на стул. Шум с улицы доносился приглушенно, словно из-под толстой стеклянной колбы. Он держал в руках цветок смерти и предупреждение. Кто «он»? Сэр Генри? Кто-то из обитателей дома? И кто прислал это предупреждение? Посыльный? Вряд ли... Это было доставлено заранее, возможно, в тот же день, когда Генри писал письмо. Или даже раньше.

Он взял бутылку арманьяка, пытаясь снова ощутить ее вес. Один жест говорил: «Доверяй мне, вернись ко мне». Другой – «Беги, пока не поздно».

Генри Монтегю не был простым человеком. Его ум казался лабиринтом, а интересы простирались далеко за пределы криминалистики – в область оккультного, запретного и чего-то необъяснимого. Именно эта тяга к эзотерике в итоге и отдалила их годы назад. Артур верил только в факты, Генри же – в то, что за фактами скрывается нечто большее. Могла ли эта страсть завести его в такие дебри, откуда уже не было возврата? «Он не тот, кем кажется» – что, если его наставник стал жертвой какого-то темного культа или опасной одержимости?

Но предупреждение могло быть и ловушкой. Попыткой отвести его от расследования, запугать. А это означало, что в Безмолвном Доме действительно есть что скрывать. И кто-то боится именно его, Артура Уэйна, пусть и опустившегося, но все еще способного мыслить здраво.

Он положил цветок с запиской обратно и прикрыл их подкладкой. Затем медленно закрыл ящик. Голова шла кругом, но уже не от тумана и абсента, а от противоречивых импульсов. Страх, острый и животный, шептал ему: «Сиди здесь. Выпей бутылку. Забудь». Любопыт-

ство, холодное и всепоглощающее, нашептывало: «Вот она. Настоящая загадка. Та, что может все изменить».

Артур встал и подошел к окну. Во внутреннем дворе два полисмена что-то грузили в телегу. Обыденная жизнь, в которой у него больше не было места.

Он повернулся и взглянул на ящик еще раз. На деревянную сову, держащую ключ. Ключ к правде. К прошлому. А, возможно, и к себе.

Решение созрело внезапно и с кристальной ясностью. Он не мог оставаться. Даже если это ловушка. Даже если «он» – сам Генри. За два года в тени Артур понял одну вещь: медленная смерть от стыда и бездействия куда страшнее любой пули или яда.

Он взял ящик, вышел из кабинета, запер дверь и пошел по коридору, уже не обращая внимания на взгляды. Его шаги эхом отдавались в пустом коридоре, теперь твердые и решительные.

Вечером он уже сидел в вагоне третьего класса поезда, уносившего его на север, в Йоркшир. За окном проплывали укрытые мглой поля и леса. В его портфеле лежали записная книжка, набор для снятия отпечатков пальцев (последний подарок от Генри годы назад) и револьвер. Он взял с собой и ящик с арманыком, скрывавший под бархатной подкладкой тихое, ядовитое предупреждение.

«Он не тот, кем кажется».

Артур смотрел в темнеющее стекло, где отражалось его собственное, изможденное лицо.

– А я, – тихо сказал он своему отражению, – возможно, тоже.

Поезд с оглушительным ревом врехался в туннель, поглотив его последние слова, и на мгновение вагон погрузился в полную, абсолютную тьму.

Глава 3. Безмолвный Дом

Путешествие на север было похоже на перемещение в иную эпоху, более суровую и молчаливую. Городская желтизна сменилась свинцовыми тучами, нависшими над холмами, а затем и первыми, редкими снежинками, кружившими в потоках ледяного ветра. Поезд высадил его на маленькой станции, где единственный экипаж, запряженный парой вороных, ждал явно его одного. Кучер, суровый мужчина с лицом, изрезанным морщинами, словно карта этих мест, лишь кивнул, услышав фамилию «Уэйн», и жестом пригласил занять место внутри.

Последние мили до поместья дорога вилась меж голых, скрюченных ветром деревьев и черных, как уголь, озер. Сумерки сгущались быстро, и когда экипаж наконец свернул с проселочной дороги на частную аллею, Артур ощутил ледяное касание тревоги. По обе стороны выстроились ряды древних тисов, подстриженных в виде гигантских, неестественно правильных колонн. Они образовывали мрачный туннель, в конце которого лишь угадывалось нечто огромное и темное.

И вот, когда аллея закончилась, перед ним предстал Безмолвный Дом.

Это не был замок в рыцарском смысле. Скорее, дом казался гигантской, угрюмой громадой из темно-серого камня, вобравшей в себя архитектурные стили нескольких веков. Основой служила массивная норманнская башня, к которой позднее пристроили готические крылья с остроконечными окнами и шпилями. Окна, за редким исключением, были темны. Лишь в нескольких, на первом и втором этажах, теплился тусклый, желтоватый свет керосиновых ламп и каминов, но он не разгонял мрак, а лишь подчеркивал его густоту. Дом не столько стоял на земле, сколько вырастал из нее, будто естественное, но зловещее порождение этих пустошей.

Экипаж остановился перед гранитным крыльцом. Дверь была дубовой, почерневшей от времени, с тяжелым молотком в виде головы горгульи. Прежде чем Артур успел до него дотянуться, дверь бесшумно отворилась.

В проеме стояла женщина. Статная, прямая, в темном платье с высоким воротником, которое скорее скрывало, чем подчеркивало формы. Ее лицо в полумраке прихожей казалось вырезанным из бледного мрамора: высокие скулы, тонкий прямой нос, губы, сжатые в узкую, лишенную тепла линию. Но больше всего поражали ее глаза – светло-серые, почти прозрачные, словно лед на поверхности глубокого озера. В них не было ни любопытства, ни приветствия. Лишь строгая оценка.

– Мистер Уэйн, – произнесла она. Ее голос был низким, ровным, без единой ноты гостеприимства. – Мы вас ждали. Я леди Элеонора Монтегю. Прошу, входите. Сэр Генри в библиотеке. Он... несколько взволнован.

Она отступила, пропуская его внутрь. Прихожая была огромной, с каменным полом и высоким сводчатым потолком, от которого веяло сыростью и холодом. Горели несколько ламп, но их свет тонул в пространстве, оставляя углы погруженными в глубокую тень. Воздух пах старым камнем, воском и слабым, едва уловимым ароматом ладана – странная смесь для протестантского дома.

– Ваш багаж доставят в комнату, – сказала леди Элеонора, двигаясь вперед по широкому коридору. Ее шаги были бесшумны по каменным плитам. – Ужин будет через час. Доктор Рид и мисс Мэриэнн присоединятся к нам. Мистер Фелпс, разумеется, тоже.

Она говорила так, словно перечисляла экспонаты.

– Благодарю, леди Монтегю, – ответил Артур, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. – Сэр Генри в письме упоминал о... происшествии. Могли бы вы пояснить?

На мгновение она остановилась и повернула к нему голову, не меняя сдержанного выражения лица.

– Сэр Генри полагает, что в его доме происходит нечто сверхъестественное, – произнесла она с легким, но отчетливым оттенком презрения в голосе. – Я же полагаю, что его увлечение мертвыми цивилизациями наконец-то помutilo ему рассудок. Надеюсь, вы окажетесь практичнее своего наставника, мистер Уэйн. Нам не нужен еще один... мистик.

Она снова пошла вперед, оставив Артура обдумывать этот ледяной выстрел. Супруга не верила мужу. Или делала вид, что не верит.

Библиотека оказалась спрятанной за тяжелой дубовой дверью с железными накладками. Леди Элеонора открыла ее без стука.

Комната была похожа на пещеру, вырубленную в толще книг. Высокие стеллажи из темного дерева уходили под самый потолок, теряясь в тенях. Воздух был густым от запаха старой бумаги, кожи и табака. В глубине, у массивного камина, в котором пылали толстые поленья, стояло кресло. И в нем, укутанный в шотландский плед, сидел сэр Генри Монтегю.

Артура тотчас поразила эта перемена. Его наставник всегда был живым, энергичным, с острым, насмешливым взглядом. Человек же в кресле казался его бледной тенью. Лицо, когда-то полное и выразительное, осунулось, кожа приобрела сероватый оттенок. Но глаза... глаза горели тем же неугасимым огнем, только теперь в них читалась лихорадочная смесь возбуждения и страха.

– Артур! – воскликнул он, сбрасывая плед и поднимаясь с некоторым усилием. Голос его дрожал, но не от слабости, а от напряжения. – Наконец-то! Я знал, что ты приедешь. Знал!

Они пожали руки. Ладонь Генри была холодной и немного влажной.

– Сэр Генри, – начал Артур, – ваше письмо...

– Позже, позже! – перебил его старик, жестом приглашая сесть в кресло напротив. Леди Элеонора, словно тень, оставалась у двери. – Сначала взгляни. Взгляни на это!

Он указал трясущейся рукой в центр комнаты, туда, где на персидском ковре стоял объект, казавшийся абсолютно чужеродным в этой английской библиотеке.

Египетский саркофаг. Не огромный и каменный, а деревянный, расписанный яркими, хотя и потускневшими красками. Изображения богов с головами животных, иероглифы, золото

– все говорило о подлинности и немалой ценности. Его крышка была сдвинута и прислонена к стене рядом. Артур подошел ближе.

Внутри саркофага была пустота. Глубокая, темная, обитая потрескавшимся льном. Ни следа мумии, ни обрывков бинтов, ни даже пыли.

– Он был пуст всегда? – спросил Артур, стараясь звучать нейтрально.

– Нет! – почти вскрикнул Генри. – Клянусь всем святым, что нет! Его вскрывали при мне в порту Ливерпуля. Внутри была мумия жреца, прекрасно сохранившаяся. Ее доставили сюда, уложили обратно. Два дня она лежала здесь, в этой комнате! А позавчера вечером я решил показать ее Себастьяну – доктору Риду, нашему египтологу. Мы пришли, открыли... и нашли это!

– Кто еще имел доступ в библиотеку?

– Я! Только я! – голос Генри сорвался. – Дверь всегда закрыта. Я ношу ключ с собой. А окна... взгляни сам.

Артур подошел к высоким готическим окнам. Они были закрыты на массивные железные задвижки изнутри. Решетки снаружи не было, но подоконник находился в двадцати футах от земли, а стена была гладкой, без выступов.

– Возможно, кто-то сделал слепок с ключа, – предположил Артур.

– Невозможно, – раздался новый голос с порога.

Артур обернулся. В дверях стоял молодой человек лет тридцати, со строгим, умным лицом и в очках в тонкой золотой оправе. Он был одет безупречно, но без изысков и с легким оттенком академической небрежности.

– Доктор Себастьян Рид, – представился он, кивком приветствуя Артура. – Я сопровождал саркофаг из Каира и присутствовал при его вскрытии. Мумия была там. А ключ... – Он взглянул на леди Элеонору, которая все еще молча наблюдала. – Ключ от библиотеки сэра Генри не снимает с цепочки от часов. Он спит с ним. Это известно всем в доме.

– Значит, – медленно проговорил Артур, окидывая взглядом комнату, – либо мумия испарилась, либо кто-то в этом доме способен проходить сквозь стены и закрытые двери. Или...

Он не договорил. Его взгляд упал на камин. На широкой мраморной полке, среди серебряных подсвечников, лежала маленькая кучка серого пепла. И не просто лежала – она была аккуратно сформирована в виде странного символа, напоминающего глаз с расходящимися лучами.

– Что это? – спросил он.

Сэр Генри побледнел еще больше.

– Мы не знаем. Это появилось сегодня утром. Пепел из этого же камина. Никто не входил сюда. И никто не видел.

В библиотеке воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев. Артур чувствовал, как на него давят стены книг, как холод от каменного пола проникает сквозь подошвы ботинок. Леди Элеонора смотрела на него своими ледяными глазами, доктор Рид – с научным любопытством, а сэр Генри – с мольбой и надеждой.

Вдруг в эту тишину, словно лезвие бритвы, вонзился новый звук. Тягучий, леденящий душу звук. Скорбный, высокий вой, доносящийся откуда-то сверху, с верхних этажей или даже с чердака. Он длился несколько секунд, а затем так же внезапно оборвался.

Все четверо замерли.

– Что это было? – выдохнул Артур.

Леди Элеонора, не меняя выражения лица, проговорила:

– Ветер в дымоходах. В Безмолвном Доме часто бывают такие... звуки.

Но доктор Рид поправил очки, и его лицо стало серьезным.

– С географической точки зрения, леди Монтегю, ветер с северо-востока не может создавать такой акустический эффект в южном крыле. Этот звук, – он сделал паузу, – был локали-

зован. И исходил, если я не ошибаюсь, из западного крыла. Из той его части, что закрыта на ремонт.

Сэр Генри уставился на пепельный символ в камине, и его губы беззвучно зашептали: «Он здесь. Он знает, что мы его потревожили».

Артур почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в комнате. Предупреждение в ящике. Пустой саркофаг. Символ из пепла. И этот вой. Это была не просто загадка. Это был вызов. Вызов, брошенный самому принципу реальности.

Он посмотрел на горящие в камине поленья, на отбрасываемые ими пляшущие тени на стенах библиотеки. Тени, которые казались чуть гуще и живее, чем должны были быть на самом деле.

Внезапно он осознал, что леди Элеонора пристально наблюдает не за камином. Ее ледяной, не моргающий взгляд был прикован к нему. И в глубине тех прозрачных глаз, словно на дне ледяного колодца, что-то промелькнуло. Что-то, что было далеко от безразличия.

Не страх. И не любопытство.

А предвкушение.

Глава 4. Ужин с призраками

Колокол к ужину прозвучал глухо и протяжно, будто его ударили в погребальной часовне. Звук волной прокатился по холодным коридорам, заставляя все тело и душу вздрагивать.

Артура проводили в комнату в восточном крыле – мрачноватое, но просторное помещение с высоким потолком и видом на темнеющий парк. Его багаж уже лежал у кровати с балдахин. Он быстро умылся ледяной водой из фаянсового кувшина, сменил дорожный костюм на черный сюртук, чувствуя, как ткань, несмотря на все усилия, не может прогреть проникший в его кости холод. Перед тем как выйти, он на мгновение задержался у окна. В последних отсветах сумерек парк показался ему беспорядочным нагромождением теней. И там, вдалеке, он смутно различил очертания небольшой каменной постройки – семейного мавзолея Монтегю.

Он спрятал ящик с арманьяком и его зловещим содержимым в глубь гардероба, оставив на столе лишь записную книжку и карандаш. Затем положил револьвер во внутренний карман сюртука, словно холодное утешение, и вышел из комнаты.

Столовая была обшита темным дубом, а на стенах висели портреты суровых предков Монтегю, чьи глаза, казалось, следили за каждым движением гостей. Длинный стол был накрыт с безупречной, ледяной формальностью. Свечи в тяжелых серебряных канделябрах горели ровным пламенем, но свет их не достигал углов комнаты, тонув в резной древесной мгле.

Общество собралось. Во главе стола восседал сэр Генри, все еще бледный, но собравшийся с силами. По правую руку от него – леди Элеонора, неподвижная и бесстрастная, будто статуя. Слева – доктор Себастьян Рид, который, увидев Артура, кивнул с вежливым, но отстраненным интересом.

Рядом с ним сидела девушка, лет двадцати, – племянница сэра Генри, Мэриэнн. Она была болезненно худой, с большими, темными глазами, в которых, казалось, застыл хронический испуг. Ее пальцы беспокойно теребили край скатерти. Возле нее, напротив Артура, занял место мистер Фелпс, личный секретарь четы Монтегю. Это был сухопарый мужчина лет сорока пяти, с острым, недружелюбным лицом и привычкой постоянно что-то записывать в маленькую книжечку, которую он не выпускал из рук.

Представились сухо. Мистер Фелпс бросил на Артура взгляд, полный подозрения и раздражения, будто тот был нежеланной помехой в хорошо отлаженном механизме. Мэриэнн прошептала что-то невнятное и опустила глаза.

Ужин начался в тягостном молчании, нарушаемом лишь звоном приборов и отдаленными завываниями ветра в трубах. Подавали суп-пюре из пастернака, удивительно безвкусный и пресный. Артур наблюдал и старался изучать мимику каждого из присутствующих за столом.

Доктор Рид, казалось, был погружен в свои мысли, изредка бросая взгляды на сэра Генри, как ученый на интересный, но непредсказуемый образец. Леди Элеонора ела с механической точностью, ни разу не подняв глаз от тарелки. А мистер Фелпс что-то бормотал себе под нос, время от времени делая свои пометки.

– Доктор Рид, – нарушил наконец молчание Артур, – сэр Генри упомянул, что вы сопровождали саркофаг. Не могли бы вы рассказать подробнее о его происхождении?

Рид отложил ложку, и его лицо оживилось профессиональным интересом.

– Разумеется. Это находка из раскопок в фиванском некрополе. Гробница мелкого жреца культа Анубиса, судя по иконографии. Не царская, но крайне интересная сохранностью погребальных текстов. Саркофаг точно относится к периоду Позднего царства, думаю, к XXV – XXVI династии. Мумия была в превосходном состоянии. Я лично осматривал ее в Каире перед отправкой.

– И не было никаких... предостережений со стороны местных? Связанных с проклятиями или чем-то подобным? – спросил Артур, стараясь звучать слегка насмешливо, но внимательно наблюдая за реакцией Рида.

Мистер Фелпс фыркнул.

– Проклятия! Бедняцкие суеверия для туристов и сенсационных газет. Наука давно развеяла эти сказки.

Но доктор Рид помедлил. Он снял очки и протер их салфеткой.

– Местные рабочие, конечно, шептались. Старая история – «гнев богов на осквернителей». Но ничего конкретного. Никаких угроз. Хотя – Он снова надел очки, и стекла на мгновение отразили пламя свечей. – Сама процедура погрузки на корабль сопровождалась рядом мелких, но досадных происшествий. Ну, знаете, сломался подъемник. Один из ящиков с сопровождающими артефактами упал и разбился. Капитан судна, «Морской нимфы», жаловался на странные звуки в трюме. Но все это можно списать на совпадение и человеческую нервозность.

– А вы, доктор, верите в совпадения? – тихо спросила Мэриэнн, не поднимая глаз.

Все взгляды устремились к ней. Девушка покраснела и тут же сжалась.

– Наука, мисс Мэриэнн, оперирует фактами и вероятностями, – сухо ответил Рид. – А факт в том, что мумия исчезла из запертой комнаты. Это требует рационального объяснения.

– Или свидетельствует о том, что не все в этом мире подчиняется нашим жалким рациональным законам, – вдруг глухо произнес сэр Генри. Он почти не притрагивался к еде. – Я чувствую это. Чувствую взгляд в спину, когда в комнате никого нет. Слышу шаги. Этот дом... он никогда не был по-настоящему пустым.

– Генри, прошу тебя, – впервые за весь вечер голос леди Элеоноры прозвучал с ноткой чего-то, кроме ледяного спокойствия. В нем была усталость. И раздражение. – Не начинай снова. Доктор Рид прав. Должно быть объяснение. Может, ты просто... забыл. Или тебе помешалось.

– Забыл? – Генри ударил ладонью по столу, заставив звякнуть всю посуду. – Я что, забыл и этот символ в камине? И вой, который мы все слышали? Или ты скажешь, что и мне, и доктору Риду, а теперь и мистеру Уэйну померещилось одно и то же?

В наступившей тишине мистер Фелпс откашлялся.

– Сэр Генри, если позволите, я проверю еще раз счета по транспортировке. Возможно, были недоразумения с самой мумией еще в Египте. Или на таможне.

Артур наблюдал за этой игрой. Фелпс пытался вернуть разговор в прагматичное русло, возможно, чтобы успокоить хозяина, а возможно, чтобы отвести подозрения. Рид был сдержан,

но его научное любопытство явно боролось со скепсисом. Леди Элеонора хотела закрыть тему, объявив мужа сумасшедшим. А Мэриэнн... она просто боялась.

– Мистер Фелпс, – обратился к нему Артур, – вы долго работаете на сэра Генри?

Секретарь насторожился, словно еж.

– Десять лет, сэр. И за это время я никогда не видел, чтобы сэр Генри был подвержен... фантазиям. Но стресс, увлечение экзотическими культурами... это может подействовать на самую крепкую психику.

– Вы говорите так, будто знаете, что на него что-то действует, – мягко заметил Артур.

Фелпс замер, осознав ловушку.

– Я лишь констатирую факты, сэр. Как и вы, наверное, должны.

– Именно этим я и займусь, – сказал Артур, отодвигая тарелку. – С завтрашнего утра. Я хотел бы осмотреть библиотеку еще раз, при дневном свете. А также, с вашего позволения, сэр Генри, поговорить с каждым из вас по отдельности.

Леди Элеонора впервые прямо посмотрела на него. В ее взгляде было холодное оценивание.

– Надеюсь, вы не собираетесь устраивать здесь допрос, мистер Уэйн. Мы не преступники.

– Конечно нет, леди Монтегю. Я лишь собираю информацию. Чем больше деталей у меня будет, тем скорее найдется логическое объяснение всему происходящему. Например, – он повернулся к Риду, – что случилось с теми разбитыми артефактами? Они здесь, в доме?

Доктор Рид покачал головой.

– Нет. Они были слишком повреждены. Их оставили в Каире для реставрации, если таковая возможна. Сюда приехал только саркофаг и его содержимое.

– Жаль, – сказал Артур. – Иногда осколки могут рассказать нам больше, чем целое.

Внезапный крик Мэриэнн прервал их разговор. Она резко подскочила и отпрянула от стола, указывая дрожащим пальцем на одно из высоких арочных окон. Все тут же повернулись.

За стеклом, в полной тьме, слабо освещенное светом из столовой, на мгновение мелькнуло лицо. Бледное, искаженное, с темными провалами вместо глаз. Оно появилось и исчезло так быстро, что можно было принять его за обман зрения, игру теней и отражений.

– Вы видели? – прошептала Мэриэнн, задыхаясь. – Вы видели?

Сэр Генри вскочил, опрокинув стул.

– Это ОН!

Артур бросился к окну и молниеносно распахнул его. Ледяной ветер ворвался в комнату, задувая свечи. Он высунулся наружу, вглядываясь в темноту. Ничего. Только шелест голых ветвей и черный квадрат парка.

– Мистер Фелпс, доктор Рид, со мной! – скомандовал Артур, уже выбегая из столовой в коридор. – Осмотрите территорию у этого окна! Леди Элеонора, Мэриэнн, оставайтесь здесь с сэром Генри!

Он выхватил револьвер и, не дожидаясь от них ответа, побежал к главному входу. Холодный воздух хлестнул его по лицу, словно удар. Он зажег карманный фонарь, луч которого рассекал тьму, выхватывая из мрака промерзшую землю, кусты и тощие стволы деревьев.

Под окном столовой, на утопанной земле, не было ни следов, ни отпечатков. Камни мощения лежали ровно. Ничто не указывало на то, что здесь секунду назад стоял человек.

Доктор Рид и мистер Фелпс, запахнувшись каждый в свое пальто, выскочили следом за ним.

– Никого, – сказал Рид, оглядываясь. Его дыхание превращалось в пар. – Возможно, это была просто тень от ветки.

– Или чья-то очень умелая шутка, – пробурчал Фелпс, поеживаясь от холода.

Артур направил луч фонаря на стену под окном. Гладкая каменная кладка, ни выступов, ни плюща, за который можно было бы ухватиться. Подняться сюда без лестницы было невозможно. А лестницу никто не видел и не слышал.

Он поднял луч выше, скользя по темным окнам второго этажа. И замер.

В одном из окон, в том самом, что, по его прикидкам, находилось прямо над библиотекой, на мгновение мелькнул слабый, колеблющийся свет. Словно кто-то прошел по комнате с лампой или свечой. Но западное крыло было закрыто. И должно было быть пустым.

– Доктор Рид, – тихо сказал Артур, не отводя взгляда от окна, где свет уже погас. – Вы упомянули, что тот звук, вой, доносился из западного крыла. Того самого, что на ремонте?

Рид последовал за его взглядом и побледнел.

– Да. Именно оттуда.

– Мистер Фелпс, – обернулся к нему Артур, – у кого есть ключи от западного крыла?

Секретарь не сразу ответил. Его лицо в свете фонаря казалось восковым.

– Только у сэра Генри. И... у меня. Для инвентаризации имущества перед ремонтом. Но я туда не заходил с прошлой недели.

– Тогда, – сказал Артур, гася фонарь и поворачиваясь к дому, чьи темные окна теперь смотрели на них как слепые, невидящие глаза, – нам следует это проверить. Прямо сейчас.

Они вошли обратно в дом, где в столовой их ждала картина: сэр Генри, дрожащий, сидел в кресле, а леди Элеонора, сжав губы, стояла рядом, положив руку ему на плечо – жест, который мог сойти и за утешение, и за сдерживание. Мэриэнн тихо дрожала, уткнувшись лицом в салфетку.

– Никого, – коротко доложил Артур. – Но я видел свет в западном крыле.

Леди Элеонора резко подняла голову.

– Это невозможно. Там нет электричества, и все лампы убраны.

– Тем не менее. Мистер Фелпс, ключи, пожалуйста.

Секретарь, бормоча что-то себе под нос, недовольно достал из кармана огромную связку ключей. Они двинулись по главному коридору, миновали библиотеку и свернули в узкий переход, заканчивавшийся массивной дверью, перекрытой деревянной загородкой с прибитой табличкой «Вход воспрещен».

Фелпс снял загородку и с трудом повернул тяжелый ключ в замке. Дверь со скрипом отворилась, выпустив волну спертого, пыльного и ледяного воздуха. Артур зажег фонарь.

За дверью начинался длинный, темный коридор. Пол был укрыт холстиной, защищавшей паркет от строительной пыли. Стеллажи, статуи, картины – все было зачехлено белыми простынями, которые в полумраке выглядели словно ряды призраков. Луч фонаря выхватывал парящие в воздухе частицы пыли.

Они осторожно двинулись вперед, и их шаги глухо отдавались в пустоте. Артур посмотрел на пол – на холстине лежал толстый слой пыли, нетронутый неделями. Никаких следов.

Они дошли до комнаты, окно которой выходило в парк. Артур подошел к окну. Подоконник оказался весь в пыли. Ни отпечатков рук, ни следов там не было. Подсветив пол под окном светом фонаря, Артур увидел ровный, нетронутый слой серой пыли.

– Здесь никого нет, – констатировал доктор Рид с облегчением. – Вы, должно быть, ошиблись, мистер Уэйн. Отражение луны или что-то в этом роде.

Артур не ответил. Он направил луч фонаря на противоположную стену. Там, среди зачехленной мебели, стоял один незакрытый объект. Небольшой пьедестал. И на нем, под стеклянным колпаком, покоилась изящная фарфоровая кукла в викторианском платье. Ее лицо было обращено к окну. И у нее не было глаз – только гладкие, белые и слепые глазницы.

– Что это? – тихо спросил Артур.

Мистер Фелпс кашлянул.

– Э... реликвия. Принадлежала первой леди Монтегю, покойной Изабелле. Сэр Генри хранит ее здесь, пока идет ремонт. Он очень ее ценит.

Артур подошел ближе. Кукла была жутковатой, но не более того. Он уже хотел отвести взгляд от нее, когда луч скользнул по основанию пьедестала.

На слое пыли у его подножия, четко видимые, лежали три предмета. Небольшие, темные и сморщенные. Три засушенных цветка белены, и каждый был перевязан черной шелковой лентой. Идентичные тому, что он нашел в Лондоне.

И пока Артур рассматривал свою находку, внезапно вдали, в глубине темного коридора, вдруг грохнула дверь.

Глава 5. Дьявол в деталях

Глухой удар двери эхом покатился по пустым коридорам западного крыла, заставив всех троих вздрогнуть. Артур инстинктивно выхватил револьвер, но Фелпс схватил его за руку.

– Ветер! – прошипел секретарь, и в его глазах был настоящий, животный страх. – Должно быть сквозняк! Все двери здесь плохо закрываются!

Доктор Рид подошел к зачехленному зеркалу на стене и резко одернул простыню. Под ней оказалось огромное венецианское зеркало в позолоченной раме, покрытое густым слоем пыли. Рид провел по нему пальцем, оставив четкую борозду.

– Сквозняк, – повторил он, но в его голосе не было уверенности. Он смотрел на пыль, которую не тревожили, судя по всему, годы.

Артур вырвал руку и быстро вернулся к пьедесталу с куклой. Он наклонился над цветами, не трогая их. Три головки белены. Та же черная лента. Предупреждение было не единичным. Оно уже было здесь, в самом сердце дома, задолго до его приезда.

– Мистер Фелпс, – сказал вдруг Артур, не оборачиваясь, – вы отвечаете за инвентаризацию. Вы видели эти цветы раньше?

– Нет! Клянусь, нет! – голос Фелпса задрожал. – Я... я последний раз был здесь неделю назад, чтобы проверить счет от подрядчиков. Все было в порядке!

– А кукла? Она всегда стояла здесь, незакрытая?

– Да, сэр Генри наказал не накрывать ее. Говорил... она должна дышать, чтобы не испортиться.

Артур достал из кармана носовой платок и, аккуратно захватив один из цветков вместе с лентой, положил его в платок, а затем во внутренний карман. Остальные два он оставил нетронутыми.

– Осмотрим остальные комнаты, – приказал он, хотя и понимал всю бесполезность этой затеи. Пыль была немой, но красноречивым стражем. Никто, кроме них, не ступал сюда давно.

Они прошли по всем доступным комнатам западного крыла. Повсюду их окружали лишь пыль, простыни и тишина. Ни следов, ни признаков чьего-либо присутствия. Окна были заперты изнутри. Никаких потайных ходов в стенах, которые можно было бы обнаружить при беглом осмотре, не оказалось. Тот свет в окне оставался необъяснимой загадкой, как и цветы у ног слепой куклы.

Когда они вернулись в основную часть дома и заперли дверь, в коридоре их ждала леди Элеонора. Она стояла неподвижно, при свете настенной лампы, ее тень длинной и острой растянулась по каменному полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.